

— Умеешь вести учет?

— Да, доводилось немного учиться.

Гоудань удивленно приподнял бровь. Он прекрасно знал, что большинство демобилизованных солдат образованием похвастаться не могли: в лучшем случае успевали окончить начальную школу, редкие счастливчики — среднюю. А этот парень мало того что умудрился получить аттестат старших классов, так еще и в бухгалтерии смыслил. Как такого ценного кадра упустили на прежнем месте работы?

Впрочем, сейчас Гоуданя это мало волновало. Для него это было сродни настоящему чуду. На прошлых наборах толковых людей катастрофически не хватало — удалось нанять лишь одного выпускника средней школы, а о ребятах из техникумов и мечтать не приходилось, тех сразу распределяли по государственным предприятиям.

— Отлично, — кивнул Гоудань. — Тогда на тебе учет бытовой техники и электроники. Справишься?

— Справлюсь, без проблем, — уверенно ответил ветеран. — Поработаю неделю, а там решите. Если что-то не устроит — можете сразу меня расчитать, я без обид.

— И давай без этого твоего «хозяин». Вы все тут старше меня, так что зови просто Сяо Ли.

— Слушаюсь, хозяин.

Гоудань лишь мысленно махнул рукой. Ему действительно крупно повезло. Раньше на объявления откликались только разнорабочие да заурядные зазывалы, а теперь у него появился человек, способный взять на себя самую муторную часть работы.

Раз уж в его распоряжении оказался толковый специалист, Гоудань решил перераспределить обязанности. Он вызвал Лю Сяо-эра, который до этого метался между всеми точками, и поручил ему сосредоточиться исключительно на магазинах одежды — там требовался самый тщательный пригляд.

Нового бухгалтера звали Чжан Хэн. Сам Гоудань в финансовых тонкостях разбирался слабо. Он хоть и отучился один семестр на экономическом, но его прежний опыт ведения дел годился лишь для мелкой торговли, где все было просто и прозрачно.

Теперь же ежедневный оборот вырос в разы: бесконечные закупки, огромный ассортимент, да еще и розничные продажи шли через чужие руки, из-за чего сводить дебет с кредитом становилось все сложнее. Чжан Хэн не только идеально подходил для этой бумажной рутины, но и мог подменять Гоуданя в лавке, когда тому нужно было отлучаться по учебе.

Чуть позже Гоудань заглянул к Чэн Шу.

— Слушай, а ты не знаешь, где у нас проводят курсы для бухгалтеров?

Чэн Шу удивленно приподнял бровь:

— С чего такой интерес?

Гоудань вкратце обрисовал ситуацию, и собеседник понимающе кивнул.

— А, теперь понятно. Чжан Хэн и правда раньше этим занимался на каком-то мелком заводике в уезде. Там дела попроще велись. Если хочешь подтянуть его знания, то какие-то курсы сейчас работают... Ладно, я разужнаю и все устрою.

— Спасибо, выручил. Только мне нужно три места.

— Три?

— Да, я тоже хочу поучиться.

Чэн Шу дружески хлопнул его по плечу:

— Ну ты и двуличный, брат! И иностранный язык зубришь, и учету хочешь выучиться, да еще и по своей специальности в институте лекции слушаешь. При этом умудряешься дело вести. Откуда только силы берутся?

Гоудань лишь отшутился. На самом деле он чувствовал, что его молодая энергия бьет через край. В последнее время они с Ван Сюанем виделись совсем редко, а когда и выкраивали минутку — толком даже поговорить не удавалось. Эту нерастраченную силу нужно было куда-то девать, и учеба казалась лучшим выходом.

Словно услышав его мысли, на пороге появился Ван Сюань с неизменным термосом в руках. На этот раз внутри томился наваристый утиный бульон.

От постоянного недосыпа Гоудань немного осунулся, но молодое тело требовало своего: кровь бурлила, мысли то и дело возвращались к запретным ласкам, а тут еще и Ван Сюань без конца закармливал его сытными деликатесами. От такого избытка «жара» в организме впору было носом кровь пустить.

Но отказываться от домашней еды было выше его сил. Гоудань достал миски, перелил дымящийся бульон, и они принялись обедать вместе.

— На улице уже прилично подмораживает, не возись ты у плиты, — мягко пожурил его Гоудань. — Целыми днями руки в холодной воде держишь, так и до цыпок недалеко. Ты же на врача учишься, тем более на западного. Как потом операции делать или пульс щупать огрубевшими пальцами?

— Не переживай, — улыбнулся Ван Сюань. — Наставник строго следит за нашей гигиеной, мы пользуемся только теплой водой. Тебе нужно лучше питаться. Скоро зима, а ты совсем исхудал. Если сейчас жирком не запасешься, как зимовать будешь?

— Я просто расту, вот весь жир в рост и уходит. Погоди, перестану тянуться вверх — сразу мышцами обрасту. Да и вообще, если меня так закармливать... Сам понимаешь, по утрам потом сладить со своим организмом тяжело.

Ван Сюань промолчал, лишь смущенно опустил ресницы. Гоудань по его лицу понял, что намек принят.

— Хорошо, в следующий раз подберу другие травы для отвара, чтобы кровь не так сильно разгоняли, — тихо произнес Ван Сюань.

— Эх, да разве я об этом? — вздохнул Гоудань. — Мы с тобой когда в последний раз наедине оставались? Стоит прийти к твоему наставнику, как тут же заявляется старший брат Су и давай расспрашивать обо всем на свете. Шагу ступить без свидетелей нельзя.

— Потерпи немного. Вот сдадим экзамены, начнутся каникулы, и тогда...

Гоудань аж просиял. «И тогда...» — неужели Ван Сюань намекает на то самое? Сразу повеселев, он в один присест допил остатки бульона из термоса.

В общежитие Гоудань вернулся в самом благостном расположении духа. Стоило ему переступить порог комнаты, как приятели тут же облепили его со всех сторон. Один шутливо приобнял за шею, другой ухватил за плечо, требуя признаний:

— Ого, посмотрите-ка на этого довольного кота! Что за радость привалила? Ну-ка выкладывай!

— Да пустите вы, черти, — со смехом отбивался Гоудань. — Что за вопрос?

— И не думай отпираться! Мы же видели, кто к тебе приходил. Решил прикинуться дурачком?

Она ведь постоянно ищет повод с тобой поговорить. Ну что, дело идет к свадьбе?

Сердце у Гоуданя на миг ушло в пятки.

— Кто приходил? О ком вы вообще говорите?

Соседи по комнате недоуменно переглянулись.

— Как это кто? Чэ Цюн, наш культорг. Она тебя искала. Разве вы не виделись?

— Да ладно тебе скромничать, — подтолкнул его локтем Чэнь Вэньлай. — Девчонка ведь видная, поет красиво. Постоянно крутится рядом с нами, а сама только о тебе и расспрашивает. Мы-то все давно поняли.

У Гоуданя отлегло от сердца. «Так они про Чэ Цюн... А я-то перепугался».

— Глупости все это, — отмахнулся он. — Нет у меня с ней ничего общего. И виделся я сейчас совсем с другим человеком, так что прекратите молоть чепуху. Она хоть сказала, зачем искала меня?

— Да нет, ничего не передавала. Странно, неужели вы разминулись?

— Я обедал с Ван Сюанем, так что ее даже не видел. И вообще, как ее в мужское крыло пропустили? Дежурная на входе глаза закрыла, что ли?

— Девчонкам к нам можно, — со вздохом протянул Чэнь Вэньлай. — Это нам к ним в общежитие путь заказан.

Гоудань шутливо запустил в него подушкой:

— О чем сокрушаешься, казанова? Неужели собрался в девичью обитель пробраться? Остепенись.

— А почему бы и нет? — подал голос Чжао Шэн. — Представь только: целое здание, полное девчонок. Как императорский гарем! И не смотри, что руководство строго следит за моральным обликом студентов. Поверь моему опыту, половина нашего курса втихаря крутит романы. Они думают, что все шито-крыто, но в университете утаить что-то просто невозможно.

— Ой, помолчал бы, сплетник, — беззлобно хохотнул Чэнь Вэньлай. — Сам только и делаешь, что высматриваешь, кто с кем сошелся. Мечтаешь завести подружку, да только девчонки видят в тебе исключительно подружку, с которой можно посплетничать.

— Эх, бедный наш Чжао Шэн...

— Да идите вы к черту! — покраснел как рак Чжао Шэн, бросаясь с кулаками на обидчиков. — Ничего я такого не думал!

Комната взорвалась дружным хохотом. Все они в глубине души мечтали о любви, но мало кто решался сделать первый шаг. Те, кому не хватало смелости, лишь тихо завидовали более удачливым товарищам. Студенческие романы в те годы были удивительно чистыми и наивными: влюбленные могли гулять по аллеям парка на таком расстоянии друг от друга, что между ними легко проехала бы телега. Держаться за руки или, упаси небо, целоваться при всех считалось верхом неприличия.

Но вскоре праздные разговоры сошли на нет. Приближалась пора экзаменов, и студентам стало не до ухаживаний. Даже те, кто встречался тайно, на время забросили свидания и с головой ушли в учебу. Никто не хотел провалиться и опозорить свою семью.

Для Гоуданя и Ван Сюаня это была первая сессия. Система высшего образования заметно отличалась от школьной: одни дисциплины длились весь семестр и заканчивались экзаменами, другие начитывались за пару месяцев, после чего сразу следовал зачет. За каждый предмет начислялись баллы, и только при наборе нужного количества, можно было рассчитывать на перевод.

Нагрузка на первом курсе оказалась колоссальной. Учебники были толстенными, а Гоуданю ко всему прочему приходилось посещать курсы иностранного языка и осваивать бухгалтерию. Чтобы не тратить время зря, он договорился с Чжан Хэном, чтобы тот делился с ним конспектами, а сам все свободные часы проводил с Ван Сюанем в библиотеке. И пускай они не могли позволить себе ничего лишнего под строгим приглядом библиотекарей, эти тихие часы возвращали их во времена подготовки к школьным экзаменам. Они вместе ходили в столовую, вместе возвращались после занятий — разве что жили теперь в разных общежитиях.

— Ли Кай, тебе письмо, — раздался звонкий девичий голос.

Гоудань поднял глаза и увидел Чэ Цюн. Он вежливо поблагодарил ее и потянулся за конвертом, но девушка не спешила выпускать бумагу из пальцев. Гоудань удивленно посмотрел на нее:

— Что-то не так?

Ощувив на себе его прямой, внимательный взгляд, Чэ Цюн смутилась и поспешно разжала

пальцы.

— Одноклассник Ли Кай, я заметила, что ты до сих пор не вступил ни в один кружок. Это ведь упущение! Мы, передовая молодежь новой эпохи, должны активно участвовать в общественной жизни, развивать мышление, крепить студенческое братство...

— Чего-чего? — опешил Гоудань.

— Я хочу сказать, нельзя так сильно отдаляться от коллектива. Ты не ходишь на собрания, игнорируешь патриотические мероприятия, которые устраивают студенты. Это неправильно. Вот я, например, состою в поэтическом союзе. Хочешь, я порекомендую тебя руководству?..

— Поэты? Стихи писать? — Гоудань сокрушенно покачал головой. — Нет уж, уволь. Я к искусству со всем уважением, но у меня от рифмоплетства только голова пухнет.

— Ну как же так, стихи — это ведь так прекрасно!

— Давай лучше что-нибудь другое. Какие у вас еще есть союзы?

Глаза девушки радостно блеснули:

— Тогда патриотическое общество! Мы организовали его сами.

— И чем вы там занимаетесь?

— Обсуждаем внутреннюю политику, следим за переменами в стране. Иногда устраиваем демонстрации против бюрократии и злоупотреблений на местах... Мы ведь будущая опора государства, это наш долг!

— Понятно... Я подумаю над твоим предложением, — мягко прервал ее Гоудань, слегка помахав конвертом в руке. — Спасибо за письмо. И знаешь, не стоит тебе больше выполнять чужую работу. Наш староста парень крепкий, пускай сам почту разносит, а то на улице мороз, а ты бегаешь по мужским общежитиям. Если что, скажи ему, чтобы мои письма сразу отдавал Чжао Шэну.

Чэ Цюн густо покраснела, но в глазах ее вспыхнула неподдельная радость. Попрощавшись, она упорхнула из комнаты, сияя от счастья.